

ЧЖУАН-ЦЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)
Ч-57

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с китайского *Л. Позднеевой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Чжуан-цзы.

Ч-57 Чжуан-цзы : [притчи] / Чжуан-цзы ; [перевод с китайского Л. Позднеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-152079-3

Эта книга, названная по имени автора, — сборник притч, величайший памятник культуры. «Дао» — «путь» — понятие, которое лежит в основе учения. Это путешествие по непознанной дороге жизни, попытка найти себя и ощутить бесконечность мира.

По праву названный жемчужиной мировой мудрости, этот философский трактат доносит до нас понятия древних о пространстве и времени, государственном устройстве, чувствах и разуме, творчестве и счастье.

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-152079-3

© Перевод. Л. Позднеева, наследники, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ

В Северном океане водится рыба, имя ей — Кит*. Сколько тысяч *ли* он величиной — неведомо. [Этот Кит] превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч *ли* длиной его спина — неведомо. В гневе [он] взмывает [к небесам], распростертые крылья его — точно нависшие тучи. Феникс делает круг над водой и перелетает на Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

Повествуя о чудесах, Шутник из Ци** говорил:

— Когда Феникс перелетает на Южный океан, волны вздымаются на три тысячи *ли*. Обопрется о вихрь и взлетает на девяносто тысяч *ли*. Улетев, шесть лун*** отдыхает.

* *Рыбу-гунь* Цуй Чжуань (IV–V вв.) и лянский Цзяньвэньди (VI в.) считают китом, Лу Дэмин (VII в.) — какой-то другой огромной рыбой; Го Цинфань (XIX в.), следуя за Фан Ичжи (XVII в.), — «рыбкой маленькой, которую Чжуан-цзы изобразил гигантской» («Чжуан-цзы цзиши», гл. 1, III, 2). <О разногласиях в толковании этого сказочного образа>

** Сыма Бяо (III–IV вв.) считает Ци Се фамилией и именем, лянский Цзяньвэньди — названием книги.

*** В Китае до 1911 г. был принят лунный календарь.

Дикие кони* вздымают пыль <испарения>. Живые существа овевают друг друга дыханием. Лазурь неба — подлинный ли его цвет? Оно далеко, и нет ему предела. Также и Феникс — глядит вниз, и только.

При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль. Налей воды в ямку на полу, и горчичное зернышко в ней окажется лодкой. Помести туда чашку, и она встанет на дно — здесь слишком мелко для большого корабля.

Если ветер слаб, ему не под силу поддержать огромные крылья. Чтобы подняться на девяносто тысяч *ли*, ветер должен дуть снизу, а тогда уже можно на него опереться. Когда над [Фениксом] только синее небо, его ничто не может остановить, и он устремляется на юг.

Цикада и Горлица, посмеиваясь над ним, щебетали:

— Мы быстро поднимаемся и взлетаем на вяз, на сандаловое дерево, а иногда не долетим и снова опускаемся на землю, вот и все. Для чего же взлетать на девяносто тысяч *ли* и отправляться на юг? [Другое дело] — летишь на зеленые поля, клюнешь три раза и возвращаешься сытым. Когда отправляешься за сотню *ли*, запасайся зерном на сутки. Когда отправляешься за тысячу *ли*, запасайся кормом на три месяца.

Как понять это Цикаде и Горлице! Малому знанию далеко до большого**. За короткую жизнь не узнать того,

* Сыма и Чэнь Сюаньин говорят о жарких парах на болоте весной, движение которых уподобляется «диким коням».

** Здесь рациональное познание противопоставляется конкретно-чувственному в гиперболическом контрасте образов: гигантской птицы (Феникса), взирающей на мир с огромной высоты, и малых существ (Цикады и Горлицы), почти не способных оторваться от земли.

что за долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неведомо, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неведомо, что бывают и весна и осень. Таковы [знания] краткой жизни. А на юге области Терновник растет дерево Душ Обитатели Мрака. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. А ныне Пэн Цзу прославился своим долголетием. Не печально ли, что все считают его единственным? Именно об этом и спрашивал Испытующий у Кожаного Щита.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба: шириной в несколько тысяч *ли*, а сколько *ли* она длиною — неведомо. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростертые крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись [о волны] и раскачавшись, он взвивается по спирали на [высоту] девяносто тысяч *ли* — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько *жэней* опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим? [Перепелке] и уподобляется тот, чьих знаний хватает для [какой-то] одной службы, кто связы-

вает свою деятельность с [какой-то] одной областью, а свое достоинство — с [каким-то] одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести* высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, [установил] отличие славы от позора, и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Лецзы передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно десять и еще пять дней, а затем возвратился. Он достиг высшего счастья, таких немного найдется. Хотя [он] мог обойтись без ходьбы, но все же [в передвижении] от чего-то зависел. А разве придется от чего-то зависеть, если оседлать сущность природы, управлять развитием [всех] шести явлений**, чтобы странствовать в беспредельном? Поэтому и говорится: «Для настоящего человека нет [собственного] “я”***, для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы».

Высочайший, уступая Поднебесную Никого не Стесняющему, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу [вас] принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда вос-

* Сунца Мужа Чести (Юнцзы) отождествляли с философом Сун Цзянем (Wilhelm, Dschuang Dsi, S. XVIII). Ср. «Хань Фэйцзы», цз. 50, V, 357.

** Шесть явлений — жар и холод, ветер и дождь, пасмурная погода и ясная.

*** Для познания природы (т.е. объективного мира) даосские философы требовали отказа от собственного «я» (т.е. всего субъективного).

ходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд [этого] будет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого не Стесняющий. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но [занимает] лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько [воды], сколько вместится в желудке. Оставьте [это] и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебесной. Если повар не приготовил кушанья, Покойник* и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами.

Цзянь У** сказал Лянь Шу***:

— Я внимал Встречающему Колесницы****. [Он] велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я уди-

* Покойник (Ши) — внук или другой родственник, одетый в костюм умершего, исполнял его роль на похоронах, во время жертвоприношений, при провозглашении преемника умершего и в других обрядах. Покойник был первым и ведущим артистом в раннем действе — зачатке театрального зрелища.

** Этот герой выступает и как человек — современник Сунь-шу Гордого (VII—VI вв. до н. э.), и как дух горы.

*** Лянь Шу известен лишь по данному фрагменту.

**** Лу Дэмин и Чэн Сюаньин пытаются отождествить Встречающего Колесницы (Цзеюй) с отшельником Лу Тунном, отказавшимся служить чускому царю. В других эпизодах (см. стр. 155–156, 170; «Изречения», гл. 18, I, 390), он похож на юродивого, называется Чуским безумцем и выступает с темными, пророческими речами.

вился его рассказу: [ему] нет предела, точно Млечному Пути. [Он] так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказывал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилен. Я принял его за безумца и [ему] не поверил.

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана*. Но разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают [глухи и слепы] разумом, как ты, судя по твоим словам. [А] человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, [всю] тьму вещей. Разве стал бы [он] трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди [его] просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, [он] не утонет даже [при потопе], когда вода поднимется до самого неба, не сгорит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформовать таких, как Высочайший и Ограждающий. Разве согласится такой человек заниматься делами?!

* Здесь явно выражено признание Чжуан-цзы необходимости чувственного познания.

Сунец приехал в [царство] Юэ торговать шляпами, а юэсцам шляпы не нужны*, ибо они стригут волосы и татуируют тело. Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок [в стране] среди морей, [а затем] отправился навестить четырех учителей** на далекой горе Охотниц-прорицательниц. Но на юге от реки Фыншуй в глубоком уединении [он] забыл про свою Поднебесную.

Творящий Благо*** сказал Чжуан-цзы:

— Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять *дань*****. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрушенные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны*****, и их порубил.

Чжуан-цзы ответил:

* Не изучая чужих обычаев, нельзя даже торговать: сунец из Срединных царств Китая, где мужчины носили длинные волосы, перевязывая их шнурком, сворачивая и закрепляя шляпой, не знал, что коротковолосым юэсцам такая сложная прическа была чуждой.

** Учитель Высочайшего — Никого не Стесняющий (Сюй Ю), учитель Сюй Ю — Беззубый (Не Цюэ), учитель Беззубого — Наставник Юных (Ван Ни) и учитель Ван Ни — В Тростниковом Плаще (Пи И или Пу И).

*** Творящий Благо (Хойцзы, Хой Ши) — IV в. до н.э., принадлежал к школе логиков-софистов (минцзя), постоянный участник споров с Чжуан-цзы.

**** Дань — мера объема, около 100 л.

***** Фрагмент о субъективном понимании полезного.

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными [тыквами], как [тот] сунец, который облагодавал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, [в его семье] из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему [снадобье].

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти *даней*. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать [тыквы в] большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы несообразительны!

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и неподдается [работе с] отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются [работе с] циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники [на него]

не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы, — ответил Чжуан-цзы, — как, прижавшись [к земле], лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? [Но], прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, [сами они] попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як — велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях. [Дерево] не погибнет раньше времени ни от топора, ни от секиры. Не принося никому пользы, оно не принесет и вреда.

Глава 2

О РАВЕНСТВЕ ВЕЩЕЙ

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья* сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? ** [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас, уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель

* Владеющий Своими Чувствами, Странник Красоты Совершенной. Несмотря на некоторое расхождение в именах (Наньго Цзыши — Наньбо Цзыши, Яньчэн Цзыю — Яньчэнцзы), комментарий устанавливает, что это одни и те же герои.

** Варианты. Даосское образное обозначение отказа от всего субъективного для познания объекта — природы, ее законов, в данном случае причины возникновения ветра (ср. с одой Сун Юя «Ветер», В. М. Алексеев, Китайская классическая проза).

земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля, и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоюет сквозь тьму [земных] отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов подобны носу, рту, ушам; подобны перекладинам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека* — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе**, разве кто-нибудь на них воздействует?!

* Устройство музыкального инструмента объясняется как подражание ветру, явлению природы.

** В утверждении саморазвития всех вещей содержится отрицание «воли Неба».

[Обладающий] большими познаниями — щедр, [обладающий] малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне* — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях [людей друг с другом] и [в их] союзах ежедневно происходит борьба умов. [Здесь и] нерешительные, скрывающие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, [что] истинно, [а что] — ложно. Другие молчат, точно принеся клятву в военном союзе, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем [они] слабеют. Речи четвертых обращены к [уже] содеянному, их не отвлечь [от прошлого]. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, [у таких] не оживить умирающее сердце. [Подобно] мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость [чувств] и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неизвестно. Не прекратить ли? Не кончить ли? [Но ведь] обретаем это и утром и вечером. Какая же причина [все] это порождает?

* Для даосской традиции характерно рассматривать сон как состояние внутреннего эфира (души), зависящее от состояния эфира в теле, окружающей человека природе, чувств и мыслей наяву.

[Если бы] не было других*, не было бы и меня; [если бы] не было меня, некому было бы воспринимать — это уже близко [к объяснению причины], хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о нем не найти свидетельств. [Если] способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов**. Которые из них тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо [части тела] предпочтение? Все ли они — [твои] слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли [они] один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем [мы] его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

Законченную форму [тела] до самой смерти нельзя губить. Ее действия в столкновениях с вещами либо в гармонии с ними истощают ее, точно коня в стремительном беге, которого ничто не может остановить. Как это печально! Как страшно всю жизнь трудиться, но не увидеть плодов своего труда; изнемогая, выполнять поручения и не знать, когда вернешься! Какая польза от того, что люди называют это бессмертием?

* Здесь заметна попытка выразить единство объективного и субъективного — субъективное осознается лишь в сопоставлении с объективным.

** Размышляя над строением человеческого тела, Чжуан-цзы отказывается определить, что в нем второстепенное (слуги), что главное (государь), и, наконец, отрицает бессмертие (душа превращается в прах вместе с телом).